

УДК 81'42
ББК 81 С 45

ПАРАДОКС В ЭНИГМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КРОССВОРДА

СЕЛИВАНОВА Е. А.

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого

Статья посвящена исследованию когнитивных механизмов и вербальных средств создания парадокса в жанре кроссворда, представляющего собой дискурс, посредником которого служит текст, имеющий природу гипертекста, определенную степень зашифрованности, ориентированный на разгадывание и предназначенный, как правило, для интеллектуального тренинга и развлечения. Парадоксальность в энигматическом дискурсе кроссворда выполняет две важнейшие функции: с одной стороны, усложняя декодирование задания, она становится средством шифровки, обуславливая интеллектуальное напряжение, с другой, – абсурдность и внутренняя противоречивость заданий развлекает, обуславливая создание юмористического колорита. Средствами парадоксальности в кроссвордах являются омонимия, полисемия и окказиональная деривация.

Ключевые слова: энигматический дискурс, кроссворд, парадокс, омонимия, полисемия, окказиональная деривация.

The article deals with the study of cognitive mechanisms and verbal means in creating the paradox in the crossword puzzle genre that is the type of discourse, in which the text having the nature of hypertext occupies an intermediary position, i. e. a certain degree of encryption, focused on guessing and it intends, as a rule, for the intellectual training and entertainment. The paradoxical nature of enigmatic discourse in the crossword performs two major functions: on the one hand, by complicating the decoding of a task it becomes the means of encryption, causing the intellectual tension, on the other hand, the absurdity and internal contradictions of tasks entertain, causing the creation of comic colouring. The means of the paradoxical nature in the crossword puzzles are homonymy, polysemy and occasional derivation.

Key words: enigmatic discourse, crossword puzzle, paradox, homonymy, polysemy, occasional derivation.

Дискурсивная парадигма современной лингвистики предполагает исследование различных дискурсивных практик и их жанров в аспекте категориальной организации и специфики. Одним из наименее исследованных в дискурсологических студиях лингвистики является жанр кроссворда, включенный в жанровую систему энигматического дискурса.

Энигматический дискурс представляет собой коммуникативное событие, знаковым посредником которого служит энигматический текст, обладающий мощным интерактивным потенциалом, так как его полная знаковая репрезентация возможна при непосредственном участии адресата, выполняющего стратегическую программу адресанта [12, с. 6]. Данная программа направлена на поиск ответов на вопросы и задания, поставленные в тексте; ее конечными целями служат интеллектуальный тренинг, развлечение, поиск и познание новой информации; игра, основанная на смекалке, сообразительности, знаниях в различных сферах, чувстве юмора.

Кроссворд мы рассматриваем в широком смысле, относя к данному жанру его разнообразные конфигурации (сканворды, чайнворды, или циклосканворды, кроссчайнворды и под.). Кроссворд в живой коммуникации – это дискурс, посредником которого служит текст, имеющий природу гипертекста, определенную степень зашифрованности, ориентированный на разгадывание и предназначенный, как правило, для интеллектуального тренинга и развлечения. Кроссворд обладает специфическими канонами жанра.

Данный жанр стал популярным в XX веке, хотя его возникновение относят к XIX веку. По некоторым данным, первый кроссворд был опубликован в США в журнале “Святой Николай” в 1875 году. На русском языке первый кроссворд был составлен В. В. Набоковым, хотя и был опубликован в Германии, в приложении “Наш мир” Берлинской газеты “Руль” в февральском номере 1925 года, а в 1929 году первый в России кроссворд был напечатан в журнале “Огонек”. В русском варианте кроссворд иногда называли крестословицей, калькируя английский эквивалент. Классический традиционный кроссворд обычно включает симметрично расположенную пустую сетку клеток и отдельный список заданий с указанием чисел сетки по горизонтали и вертикали. Иную конфигурацию с тем же принципом разгадывания имеют сканворды, циклосканворды, кроссчайнворды и проч.

Кроссворд, в отличие от иного энигматического жанра – загадки, практически оказался вне сферы внимания лингвистов. Интерес к данному дискурсу появился в последнее десятилетие в связи с его культурологической составляющей. Пионерскими в этой области можно считать исследования социолингвистических особенностей кроссворда украинской лингвистики И. В. Абрамца [1, с. 276–279; 2, с. 168–170], русских языковедов В. В. Красных [9, с. 5–13], И. В. Захаренко [8, с. 32–40], описавших отражение в кроссвордах русской когнитивной базы и русского культурного пространства, а также диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук Е. А. Денисовой [6], посвященную структуре и функциям энигматического текста на материале русских загадок и кроссвордов. На концепцию данной диссертации опирается диссертация русской лингвистики М. В. Волковой [4], исследовавшей загадки и кроссворды на материале немецкого языка в семантическом и прагматическом аспектах. Арабские кроссворды стали объектом анализа О. Б. Спрысы [17]. Однако вне зависимости от языка, в котором функционирует данный жанр, текстово-дискурсивная и семиотическая природа кроссворда, когнитивный механизм разгадывания и его вербальные ключи требуют специальных комплексных исследований.

Задания кроссвордов нередко представляют собой высказывания или словосочетания, на первый взгляд, противоречащие здравому смыслу, логике и требующие поиска ответа в некоей, допускаемой многозначной логикой третьей виртуальной реальности. Ключом к таким заданиям служит осознание возможной парадоксальности языка, существование которой объясняется противоречием между одно-однозначным соответствием формы и содержания языковых знаков, с одной стороны, и асимметрическим дуализмом языкового знака, с другой. Подобные задания можно квалифицировать как парадоксальные, соответствующие “суждениям, которые расходятся с общепринятыми представлениями и отрицают то, что есть безусловно правильным” [5, с. 143].

Целью статьи является исследование когнитивных механизмов и вербальных средств создания парадокса в дискурсе русских кроссвордов. Данная цель предполагает решение таких задач:

- выявить используемые в кроссвордах когнитивные механизмы парадоксальности;
- описать омонимию и полисемию как способы формирования парадокса в кроссворде;
- охарактеризовать особенности окказиональной деривации в ракурсе парадоксальности дискурсивного жанра энигматики.

Объектом исследования послужили тексты русских кроссвордов, а предметом – проекция заданий и ответов кроссвордов на структуры знаний об обозначаемых.

Парадоксальность языковых выражений стала объектом исследования еще со времен античности (Аристотель, Зенон, Агриппа, Секст Емпирик и др.) в риторике и философии. Ее использовали для достижения интеллектуального преимущества над собеседником в дискуссиях. Позднее парадокс стал предметом интеллектуальной игры, развлечения философов (Р. Декарт, Т. Гоббс, Г. Лейбниц, Б. Рассел и др.) и языковедов. В лингвистике

парадокс рассматривается как аномальное явление, возникающее тогда, когда разные компоненты в составе высказывания противоречат друг другу [3, с. 454; 11], и как результат псевдореференции (Б. Годар, Д. Вандервекен, А. Д. Шмелев).

Создавая парадоксальные высказывания, исследователи языка объясняли противоречивость их здравому смыслу и установленным языковым закономерностям несоответствием автономных синтаксических структур их возможной семантике в коммуникации. Так, в знаменитом примере американского лингвиста Н. Хомского *Бесцветные зеленые идеи яростно спят* [18, с. 412–527] парадоксальность создается путем абсолютизации формального синтаксиса и полного игнорирования значения.

Парадоксальность языковых единиц проецировалась также на три подхода к пониманию истинности высказываний: логический, лингвистический и прагматический [7, с. 246]. Данные подходы обуславливали интерпретацию предложения исходя из трех значений: референтного, прагматического и семантического. Высказывание *Есть пол мужской, женский и деревянный* истинно для первого и второго признаков и ложно для третьего из-за несоответствия логике классификации. Понимание данного парадокса возможно на основе языкового явления омонимии и связанной с ней символичности языкового знака, которая допускает такую омонимию.

Символичность знаков языка как невозможность их онтологического отождествления с обозначенной сущностью обуславливает как несоответствующее природе вещей использование единиц языка, так и игру с ними, создание абсурда – противоречивого высказывания, содержащего отрицание и утверждение одновременно (например, парадокс *Македонский был сыном бездетных родителей*). В символичности языка, связанной с апофатичностью бытия, т. е. его сокрытостью за произвольными языковыми знаками, заложена, с одной стороны, рациональность и упорядоченность языка относительно мира вещей (ср. высказывание А. Ф. Лосева: “Только символ есть точной и выточенной идеей, несмотря на присутствие иррациональных глубин сущности и благодаря им” [10, с. 152]), с другой стороны, возможность ошибочной, ложной фиксации связей сущностей или обозначения смысловой абракадабры, что присуще языку и сознанию и не приводит к их разрушению (ср.: “В бездне алогичного рождается миф, из непрерывной иррациональности музыки – строго оформленное число” [10, с. 152]).

Наиболее распространенным способом “снятия” парадоксов является их перенос в другую систему силлогизмов, аксиом, аналогий. Но при этом парадокс не исчезает, а лишь получает обоснование своего существования. Хотя считается, что апории Зенона Элейского “Стрела”, “Ахиллес” и др. решены дальнейшим развитием философии и логики, антиномии И. Канта – диалектикой Гегеля, а парадокс А. Эйнштейна существует лишь для неэйнштейновской физики, однако и сегодня логики признают их настоящими парадоксами. Данные парадоксы рассматриваются как относительные по сравнению с абсолютными, не получившими пересмотра с изменением научной парадигмы, взглядов научного сообщества на то или иное явление.

Парадокс нередко отождествляют с каламбуром, однако не всякий каламбур парадоксален, а парадоксы далеко не всегда основываются на игре слов. Тем самым парадоксы и каламбуры находятся в отношении пересечения множеств. Парадоксальными по природе являются также высказывания, содержащие элементы пропозиционального и метафорического содержания, так как метафора, используя механизмы воображения, удаляет нас от реального положения дел и не согласуется с относительно объективной и непротиворечивой природой пропозиции и ее вербальной репрезентацией. Интеграция в одном контексте пропозициональных и ассоциативно-терминальных коррелятов базируется не на синтагматике, а на эпидигматике языковой системы, допускающей ассоциативно-деривационные связи языковых единиц. Исходя из этого мы рассматриваем, наряду с синтагматическим и парадигматическим парадоксом, его эпидигматическую разновидность [16, с. 183–201].

Как уже отмечалось, метафора означает интериоризованный человеком мир реальности и на семантическом уровне соответствует логике этой интериоризации, переключая тем самым неистинность своего соотношения с реальными фактами на истинность виртуального возможного мира своего контекста. Понимание выражений с метафорическим компонентом основано на их вводе в соответствующую структуру знаний (домен), в которой метафорические знаки вступают в смысловые связи с пропозициональным ядром, снимая таким способом логическое противоречие.

Помимо метафорических компонентов, парадоксальность ряда заданий кроссвордов создается посредством омонимии и полисемии языковых знаков и окказиональной деривации.

Вербальными ключами, способствующими решению заданий кроссвордов, базирующихся на омонимии и полисемии, служит разграничение значений, закрепленных за одной знаковой формой.

Существуют даже особая разновидность кроссворда под заголовком “Или – или”, в которой задания содержат два значения слова-ответа, соединенные разделительным союзом *или*: *выдержка из текста или наказание в виде отправки в Сибирь (ссылка), основное питание грудничка или белое поле мишени (молоко), настольная игра с костяшками или маскарадный костюм с капюшоном (домино)*.

В обычном кроссворде задания, основанные на омонимии или полисемии слова-ответа, построены как сочетания слов, нередко гиперонимов, соединенных сочинительной или разделительной связью: *и ткань, и вальс, и город (Бостон); коньяк или писатель (Камю)*. В первом примере разрастание значений создается за счет апеллятивизации (деонимизации), т. е. перехода собственного имени в нарицательное (ткань и вальс получили название от города на северо-востоке США), во втором – посредством трансонимизации, т. е. перехода из одного онимического разряда в другой (сорт коньяка назван в честь писателя А. Камю). Значения омонимов в заданиях могут быть не связаны: *морской пролив, и геометрическое тело, и французский поэт (Шар); столица и сарай (Рига); и попугай, и полуобезьяна (лори)*. Связь значений ответа-полисеманта может реализоваться на основании одного признака, например, формы в задании *земной, воздушный, бильярдный (шар)*. Парадоксальность приведенных выше заданий состоит в совмещении различных предметных областей (доменов) в описании ответа.

Парадоксальностью обладают задания кроссворда, в которых гиперонимы разных доменов формируют составное наименование, своего рода “слово-кентавр”. Каждая часть данного слова соотносится с ответом – гипонимом определенного класса. Гипонимы этих классов объединены ответом – омонимом или полисемантом: *планета-батончик (Марс), полуптица-гудок (сирена), турецкий богач-жаба (ага)*. Подобное сочетание гиперонимов возможно и в задании описательного характера: *футболист, вспоминаемый за чашкой растворимого кофе (Пеле – футболист, в честь которого назван сорт кофе)*. Иногда два связанных значения полисеманта интегрируются в задании с омонимом: *и бак, и ампула, и артерия (сосуд)*.

Парадоксальность реализуют задания, требующие ответа-полисеманта с прямым и метафорическим значениями. Например, задание *и гусар, и таракан* определяют поиск некоего общего, объединяющего данные предметы. Таким общим являются усы, служащие стереотипным атрибутом гусара и употребляющиеся в прямом значении, у таракана же конечности сегментов головы в результате метафорического переноса из домена ЧЕЛОВЕК названы усиками. Ответ *усач*, таким образом, разрешает парадокс, интегрируя данные два значения в мотиваторе.

Поиск ответа-омонима или полисеманта может осуществляться на основе вариативности задания, проецирующегося на две или три предикатно-актантные рамки, интегрированные в антецеденте-ответе, замещенном в задании местоимением: *спортсмен его кидает*,

а пулеметчик заряжает (диск – омоним); невежи его показывают, школьники изучают, разведчики захватывают (язык – полисемант); у терапевта он с 10 до 15, у самбиста – через бедро (прием – омоним); она бывает на елке и на лбу (шшишка – полисемант).

Совмещение в задании лексем, обозначающих компоненты двух доменов, может создавать комический эффект на основе ввода стилистически маркированного фразеологизма: *на ней бывает сдвиг не только у электрика (фаза) – фаза* в значении “отдельная группа обмоток генератора, а также присоединенный к ней провод, передающий электрический ток (в электротехнике)” и в составе фраземы *сдвиг по фазе* – “состояние потери связи с реальностью, сумасшествия”. Стилистическая окраска компонентов задания, как правило, порождает такую же маркировку ответа-омонима: *отказ или мордобой (отлуп).*

Парадоксальность задания, предполагающего ответ-омоним, может быть обусловлена неожиданной сочетаемостью слов, одно из которых проецируется на значение ответа, а другое – на его омоним, исключенный значением главного слова. При этом создается игра слов, каламбур: *взрывоопасная гримаса, взрывчатая рожница (мина)* – зависимые прилагательные в заданиях ориентированы на неактуальное для ответа омонимичное значение “боеприпас” и вербализуют его оценку и предикат, а главные слова поддерживают семантику слова-ответа. Составное наименование в задании *печка-капиталистка* предполагает ответ *буржуйка* со значением “отопительное устройство”, ориентированный на первый компонент задания. Второе существительное реализует ложный эффект синонимической связи с мотиватором ответа, утратив при этом свое исходное значение.

Многозначность или омонимия ответа нередко обуславливает словесную игру на основе ввода в задание компонентов домена неактуального значения данного слова: *вязкое имя певицы Тернер (Гина); пищевая церковная служба (обедня); копченая страна в Африке (Чад), влюбчивый каннибал (сердцеед).* Такие компоненты служат подсказкой ответа, при этом используются социокультурные знания. Так, задание *мафиозное головоногое* предполагает выбор номена из отряда головоногих *спрут*, так как именно спрут отождествляется с разветвленной сетью чего-либо опасного, криминального, служит символом мафии (адресат ассоциирует ответ с названием телесериала, посвященного итальянской мафии).

Примечательно, что омоним или полисемант может использоваться не только в ответе, но и в задании. Поиск ответа в таких случаях требует исключения одного из значений, что осуществляется посредством конструирования в задании противительных отношений с отрицанием или отрицания определенных признаков: *липа, но не дерево (фальшивка); полька, но не бабочка (пани); финка, но не европейка (нож); магазин, в котором кончатся не товары, а патроны (обойма); несказочная невидимка (заколка); пробка, которая никакому штопору не по зубам (затор).*

Отрицание может приобретать характер каламбура, основанного на метафорических значениях глагола *выходить* и на столкновении их с прямым значением, относящим данный процесс к человеку. В задании *выходит во двор, не выходя из дома* содержится отрицание и утверждение одного действия одновременно, такой парадокс разрешается с учетом полисемии глагола, реализующего к тому же окказиональное значение, и сочетаемостных особенностей ответа *окно (выходит во двор).*

Прибегая к исключению значений омонима или полисеманта в пользу одного, соотносимого с ответом, составители кроссвордов используют различные вербальные средства. Первое средство представлено предложно-падежной формой “без + родительный падеж существительного”: *такса без лап (тариф).* С помощью этой конструкции, устраняющей один из признаков омонимичного значения “порода собаки” у слова-ответа, осуществляется реализация альтернативного значения.

Второе – поиск нужного значения омонима или полисеманта производится путем указания сферы использования предмета или какого-либо атрибута этой сферы: *ассорти* в книжной обложке (альманах); *машина, едущая с огоньком* (такси); *щелк по мышке* (клик); *колхозница, что разлеглась на бахче* (дыня). Такие средства поиска ответа создают комический эффект в случаях стилистической маркированности одного из значений полисемантов или омонимов: *потолок, установленный свыше* (лимит) – устранено нейтральное значение лексемы *потолок* – “верхнее внутреннее покрытие помещения”, актуализировано переносное, разговорное “предел, предельная степень чего-либо”. В задании *пернатый стучак в лесу* (дятел), наоборот, ответ соположен с буквальным пониманием слова *стучак* в окказиональном значении, устранено разговорное значение “доносчик”.

Третьим средством исключения одного из значений омонима или полисеманта является наличие в задании синонима ответа: *фрукт, он же субчик* (тип) – у слова *фрукт* исключено нейтральное значение “плод”, актуализировано разговорное, сниженное “человек, тип, субъект” с помощью просторечного синонима *субчик*.

Четвертое средство предполагает столкновение коннотативных компонентов омонимичных или многозначных лексем в задании, в этом случае выбор коннотата ответа продиктован главным словом – часто гиперонимом: *специалист по тарелочкам* (уфолог), – у слова *тарелочка* исключено значение “вид посуды” в пользу семантики “неопознанный летающий объект”.

Столкновение различной стилистической маркированности значений омонима может создать парадокс на основе мерцающего значения одной из лексем в задании: *урок с матом и канатом* (физкультура) – интегрированы значения “ругань, брань” и “тюфяк, подстилаемый при различных спортивных упражнениях для предохранения от ушибов при падении”.

Средством создания парадоксальности в кроссвордах служит также окказиональная деривация, представленная двумя планами.

Первый план – семантическая окказиональная деривация, характеризующаяся использованием уже существующего в языке знака исходя из значений его мотиваторов для создания у него в контексте задания нового окказионального значения. Так, лексема *водохранилище* с системным значением “водоем (обычно искусственный), созданный для каких-либо целей путем перегораживания плотиной речки, ручья и т. п.” в задании *водохранилище для букета* на основе семантики мотиваторов *вода* и *хранить* и игры слов реализует окказиональное значение “сосуд с водой, предназначенный для цветов”, что соответствует ответу *ваза*. В задании *мельничная “выходка”* кавычки сигнализируют об употреблении слова в окказиональном значении, связанном с мотиватором и базирующемся на игре слов (на выходе помола, осуществляемого на мельнице, – мука). Ответ *мука* в сочетании с системным значением слова *выходка* – “неожиданный, необычный, дерзкий поступок” создает комический эффект. В задании *лесная “сгущенка”* существительное на основе значения мотиватора *густой* получает окказиональное значение “густой, труднопроходимый лес”, что определяет ответ *чаща*, при этом семантика слова *сгущенка* – “сгущенное молоко”, нивелируется, придавая заданию юмористический колорит. Подобное явление наблюдаем в задании *выпускница пипетки*, где ответ *капля* обусловлен окказиональным значением существительного *выпускница*, мотивированным глаголом *выпускать* в значении “давать возможность жидкости вытечь” (ср. системное значение слова *выпускница* – “та, что окончила учебное заведение или учащаяся последнего курса, класса учебного заведения”).

Мотиваторы прилагательных или причастий нередко обеспечивают возникновение у мотивируемых слов окказиональных значений, создающих в заданиях кроссвордов парадоксальную синтагматику: *кровавый фактор* (*резус*), *кровавый* – “покрытый, налитый, залитый кровью, кровоточащий, имеющий цвет крови”, окказиональное значение – “имеющий отношение к крови”; *заземленное укрытие* (*окон*), *заземленный* – “соединивший электрическую

цепь (прибора, машин и т. п.) с землей”, окказиональное значение – “вырытый в земле”; “нарезавшийся” *гвоздь (шуруп)*, *нарезавшийся* – “разг.-сниж. напившийся пьяным”, окказиональное значение “имеющий нарезку, нарезы”.

Различие предикатно-актантных рамок системного и окказионального значений слова в задании также обуславливает его парадоксальность. В задании *плата за бесплатный проезд (штраф)* сталкиваются две ситуации, в результате чего на системное значение слова *бесплатный* – “предоставляемый или получаемый без оплаты”, наслаивается окказиональное “не оплаченный”.

Окказиональное значение слова в задании может обеспечивать ответ исходя из определенного места знака мотиватора в предикатно-актантной рамке структуры знаний об обозначенном этим ответом. К примеру, задание “*чекист*” в *магазине* базируется на окказиональном значении слова *чекист* – “работник магазина, выбивающий чеки в кассе”, так как в предикатно-актантной рамке ситуации слово *чек* является знаком объекта, при этом субъект соответствует ответу *кассир*. Столкновение окказионального и системного значений слова *чекист* – “1) работник ЧК; 2) разг. работник органов государственной безопасности (в СССР)”, служит средством комического эффекта.

Такой эффект создается также на базе функционально-стилистической окраски системных значений слов, получающих в заданиях кроссвордов окказиональную семантику. Например, задание *проходимец по проводам* интегрирует разговорное, сниженное значение “плут, мошенник, пройдоха” с окказиональным “то, что движется, проходит по определенным каналам” исходя из значения мотиватора *проходить* – “продвигаться”, что в сочетании со словом *провода* обуславливает ответ *ток*. В задании *острячка в 12 см под пяткой* парадоксальный каламбур создается на основе соположения двух системных значений: наименования женского пола от слова *остряк* – “разг. остроумный, любящий острить человек”, разговорного сниженного значения мотиватора *остряк* – “острый конец какого-либо предмета; острие” – и окказионального “женский род от острый конец какого-либо предмета”, в данном контексте *шпилька*.

Окказиональное значение может возникать у слова на базе реконструкции устойчивого высказывания, включающего мотивирующую это слово лексему. Например, в задании *диктатор предложения* на фоне омонимии слова *предложение*, обозначающего процесс и результат процесса от глагола *предлагать*, а также законченную, грамматически оформленную единицу речи, лексема *диктатор* реализует окказиональное значение, обусловленное семантикой мотиватора *диктовать*. Данный мотиватор ассоциативно связывается с первым значением слова *предложение*, обуславливая актуализацию в сознании адресата устойчивого выражения *спрос диктует предложение*, что определяет ответ *спрос*.

При решении задания *сыроежка, заставившая петь ворону (лиса)* возникают ассоциации с интертекстом, слово *сыроежка* приобретает окказиональное значение “та или тот, кто ест сыр”, что приводит к фокусировке в памяти басни И. А. Крылова “Ворона и Лисица”, где сыр, выпавший из клюва вороны, съела лиса. Интертекстовая мифологическая информация используется при поиске ответа на задание *бог-неединоличник*, где игра со словами-мотиваторами наталкивает адресатов на поиск ответа в древнеримской мифологии, где богом с двумя лицами является Янус – бог дверей, входов и выходов, а также всяческих начинаний (*неединоличник* приобретает окказиональное значение – “имеющий не одно лицо”).

Актуальной в случае парадоксальных заданий с окказиональными дериватами является также фоновая информация. Так, в задании *столица пирамидальной страны* прилагательное реализует окказиональное значение “имеющее пирамиды”, системное же значение “имеющий форму пирамиды” не может быть использовано в сочетании с существительным *страна*. Получение ответа *Каир* возможно при актуализации в памяти адресата стереотипной информации о Египте как стране пирамид.

Прилагательное может получать в контексте заданий кроссвордов окказиональное значение по причине замены в сознании адресата мотиватора данного слова. В задании *уступчивый водопад (каскад) уступчивый* воспринимается не как мотивированное существительным *уступка* в значении “готовый на уступки, стоворчивый”, а как мотивированное словом *уступ* – “выступ, ступень, углубление”, что обуславливает ответ. Задание *жалкий знак Зодиака (Скорпион)* также порождает окказиональное значение прилагательного – “жалящий”, мотивированное словом *жалить*, а не *жаль*, служащее мотиватором системного значения лексемы *жалкий* – “вызывающий жалость”.

Окказиональное значение слова может опираться на мотиватор просторечного статуса, создавая омонимию данного производного слова со стилистически нейтральным. Так, в задании *“жрец” в любое время* ответ *обжора* исходит из окказионального значения слова, обеспеченного грубым, просторечным мотиватором *жрать*. Комический эффект создается за счет столкновения такого значения с общеупотребительным – “лицо, совершающее жертвоприношения и другие обряды (в языческих религиях)”.

Указанные случаи являются пограничными между первым и вторым планом окказиональной деривации, создающей парадоксальность в кроссвордах, так как несмотря на неизменность знака происходит замена не только его значения, но и самого мотиватора.

В отличие от первого плана окказиональной деривации, второй план предполагает не создание нового значения слова, а производство на базе уже существующих в языке знаков новых лексем, что влечет за собой парадоксальный характер заданий в кроссвордах.

Окказиональное словопроизводство в заданиях кроссвордов нередко базируется на паронимической аттракции – стилистической фигуре, предусматривающей умышленное сближение слов, имеющих случайное и немотивированное подобие звучания. К примеру, случайное подобие корня слова *изумительный* и существительного *изюм* использовано в задании *изумительная сдоба к чаю*, ответ которого *кекс* базируется на знаниях об обычном компоненте этого кондитерского изделия – изюме. При этом пароним окказионализма *изумительный* все же возникает на втором плане сознания адресата, сливаясь с окказионализмом и придавая ему положительную оценку. В задании *библейский ковчегар* в существительном интегрируются слова *ковчег* и *кочегар*, придавая окказиональной лексеме значение наименования лица, соотносящегося с ковчегом, что обуславливает ответ *Ной*. В задании *ПЛОВ-средство* ответ *рис* ассоциирован с корнем, а комический эффект вызывает возникающая у адресата ассоциация со словом *плавсредство*, хотя его значение в задании не актуализируется.

Несколько иное явление наблюдаем в задании *баранесса среди животных (овца)*, где окказиональное слово стало результатом соединения слова *баран* с деривационной моделью “наименование лица женского пола образовано от наименования мужского пола с помощью суффикса *-есс-*”: *барон – баранесса, поэт – поэтесса*. Задание *штраусиный танец* содержит окказиональное прилагательное, образованное от имени композитора, короля вальсов И. Штрауса (что определяет ответ *вальс*) по словообразовательной модели “притяжательное прилагательное, образованное от названия животного с помощью суффикса *-ин-*”: *гусиный, страусиный, лебединый*» на основе подобия фамилии и названия птицы *страус*, которая может двигаться, как бы совершая танцевальные па. Задание *риальная страна в Азии (Иран)* содержит окказиональное прилагательное, образованное от названия денежной единицы в Иране *риал*, по форме подобное прилагательному *реальный*.

Подобие части слова обусловило его искажение в заданиях кроссвордов путем замены этой части иным мотиватором, интеграция с которым остальных слов или частей слова в задании и определяет ответ: *НОС-лаждение (аромат)* – основано на функции соматизма *нос* ощущать запах, а базовое существительное *наслаждение* придает позитивную оценку запаху; *МИД-брат (дипломат)* – первая часть слова указывает на профессиональную

принадлежность, а вторая – на мужской пол (аналогия с *медбрат*); *космическая ХВОСТ-ушка (комета)* – мотиватор окказионализма метафорически обозначает часть кометы, а прилагательное определяет сферу существования предмета (базовое существительное *хвастушка* создает комический эффект); *ЛУПО-глазое стекло (линза)* – существительное указывает на фактуру предмета, а окказиональное прилагательное соотносит предмет с лупой и глазом, устанавливая предназначение.

Многие окказиональные слова в заданиях кроссвордов созданы по определенным словообразовательным моделям. К примеру, задание *собачья вилялка* содержит окказионализм, образованный от глагола с помощью суффикса *-лк-*, который в системе русского языка имеет значение механизма, приспособления (ср.: *прялка, мялка*); по аналогии ответ *хвост* – приспособление для виляния у собаки. Окказиональное конфиксальное производное в задании *захребетник туриста* образовано по модели “произведено от существительного с помощью префикса *за-* и суффикса *-ник-* со значением предмета по его местонахождению”, отсюда ответ *рюкзак*, уточняемый зависимым компонентом словосочетания. В задании *наносная оптика (очки)* окказиональное прилагательное образовано конфиксальным способом от слова *нос*, при этом сложность поиска ответа обусловлена отсутствием в тексте кроссвордов ударений, что создает омографическое совпадение с прилагательным, произведенным от глагола *наносить*.

В задании *ссорный мужик* окказиональное прилагательное базируется на модели “произведено от абстрактного существительного с помощью суффикса *-н-* со значением свойства (ср. *шумный*)”, что определяет ответ *скандалист*. Задание *дворянин-подграфинник* требует поиска гипонима дворянского титула, ниже графа – *виконт*, на что указывает окказиональное существительное, образованное по модели *подстаканник, подоконник* со значением конфикса “предмет, находящийся под чем-то”.

Иногда окказионализм в задании обуславливает коннотативную маркировку ответа: существительное *суперменность* образовано суффиксальным способом от окказионального прилагательного (суффикс *-ист-* обозначает “наличие чего-либо в большей степени” (ср. *росистый*)), которое в свою очередь произведено от существительного *супермен*; ответом служит жаргонизм *крутизна*.

Окказиональное слово в задании может быть искаженным элементом интертекста, к примеру, компонентом стихотворной строки. Так, задание *Тютчевская особенница России* отсылает адресата к строкам из стихотворения Ф. И. Тютчева: *В ней есть особенная статья, в Россию можно только верить*; – от прилагательного *особенный* образовано окказиональное существительное по модели *жеманный – жеманница*, указывающее на определяемое слово цитаты *статья*, являющееся ответом.

Наибольшую продуктивность при создании окказионализмов в кроссвордах имеет композиция – слово- и основосложение, так как в двух мотиваторах композита содержится большее количество информации, служащей когнитивным ключом ответа. Например, задание *ливрееносец* построено по модели *орденоносца, знаменосца* и указывает на ответ *лакей*, форменной одеждой которого служит ливрея. Формально по такой же модели произведено окказиональное существительное в задании *звездоносец офицера (погон)*, однако оно обозначает не лицо, а предмет, что обусловлено фоновой информацией об экипировке офицера. В задании *шубоед (моль)* окказиональное слово образовано по модели, сочетающей глагол и существительное-объект (ср. *осоед, мироед*). Задание *дипломат-визовыдавец (консул)* также содержит окказиональный композит, созданный интеграцией знаков предиката и объекта с помощью суффикса *-ец-*, обозначающего деятеля-субъекта.

Буквальную информацию передают окказионализмы-композиты в заданиях: *ветродуи после головнойки (фен)* – слово *головнойки* также выступает в окказиональном значении “мытьё головы”, являющимся пропозициональной проекцией ономазиологических признаков

предиката и объекта; *бравописание в рифму (ода)* – компонент *браво* указывает на восторженные и одобрительные крики актерам в театре, введение же знака в сферу поэзии определяет ответ – хвалебный жанр стихотворения; *яйцебитный праздник (пасха)* – окказионализм апеллирует к фоновым знаниям о религиозном празднике, атрибутом которого является освящение и поедание вареных яиц, а также битье их друг о друга как ритуал; *лечебное теломятие (массаж)* – окказиональное существительное фактически описывает процедуру массажа, ономазиологические признаки композита соответствуют предикату и объекту; *мячелов (вратарь), чеддердел (сыровар), блюдоноша (официант)* – окказиональные композиты образованы по модели, интегрирующей знаки предиката и объекта и служащей описанием занятия именуемого лица.

Продуктивной в заданиях кроссвордов является аналоговая окказиональная композиция, позволяющая присоединить интернациональные терминологические элементы к несвойственным их сфере компонентам. Например, в заданиях *чертеж радиовнутренностей (схема)* и *электрогруша (лампа)* элементы сферы техники интегрируются со знаками доменов ЧЕЛОВЕК и ПЛОД, что создает комический эффект. Задание *велобегоплавание (треборье)* содержит окказиональное существительное с интернациональным компонентом *VELO-*, присоединяемым к суммарному окказиональному композиту (содержание данного слова интегрирует значения всех ономазиологических признаков и опирается на знания в области спорта).

Иногда интернациональные терминологические элементы применяются для уточнения субдомена в пределах одного домена. Так, задание *авиадепо (ангар)* указывает на различные наименования помещения для хранения и ремонта железнодорожного и воздушного транспорта. Компонент *ретро-* в задании *ретроглаз* определяет сферу поиска синонима второго компонента – устар. *око*.

Исследование парадоксальности в жанре кроссворда позволяет углубить наши представления о природе энigmatики и способах ее порождения в языке. Парадокс выполняет две важнейшие функции в энigmatическом дискурсе кроссворда: с одной стороны, усложняя декодирование задания, он становится средством шифровки, обуславливая интеллектуальное напряжение, с другой, абсурдность и внутренняя противоречивость заданий развлекает и служит средством создания юмористического колорита. Кроме того, нельзя отрицать и суггестивную функцию парадоксальности: при декодировании парадокса в заданиях кроссвордов их адресаты нередко обнаруживают неспособность сознательно разрешить внутреннее противоречие высказываний, что обуславливает включение подсознательных механизмов с возможным коммуникативным воздействием в целях рекламы, пиара и т. п. Обоснование и изучение данной функции парадоксальности энigmatики является перспективой нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамец И. В. Фразеологизм в структуре кроссвордной загадки / И. В. Абрамец // Учені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64). – № 2 (1). – С. 276–279.
2. Абрамец И. В. Языковая игра в кроссвордных толкованиях / И. В. Абрамец // Язык и социум : материалы VII Международной научной конференции : в 2 ч. – Минск : Изд-во РИВШ, 2007. – Ч. 1. – С. 168–170.
3. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Изд-во “Языки русской культуры”, 1997. – 576 с.
4. Волкова М. В. Загадка и кроссворд как типы текста : семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / М. В. Волкова. – Смоленск, 2011. – 24 с.

5. Горский Д. П. Краткий словарь по логике / [сост. Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров]. – М. : Просвещение, 1991. – 208 с.
6. Денисова Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Е. А. Денисова. – М., 2008. – 24 с.
7. Дэвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о “Парадоксе перформативности” / А. Дэвисон // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 246–265.
8. Захаренко И. В. Красных В. В. Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов / И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : [сборник статей] / [отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов]. – М. : Филология, 1998. – Вып. 5. – С. 32–40.
9. Красных В. В. Национально-культурная составляющая русского языкового сознания (на материале кроссвордов) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : [сборник статей] / [отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов]. – М. : МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 15. – С. 5–13.
10. Лосев А. Ф. Философия имени / Алексей Федорович Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 269 с.
11. Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы / Виктор Викторович Одинцов. – М. : Просвещение, 1976. – 128 с.
12. Селиванова Е. А. Энигматический дискурс : вербализация и когниция : [монография] / Елена Александровна Селиванова. – Черкассы : Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. – 214 с.
13. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология : [монография] / Елена Александровна Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
14. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2011. – 844 с.
15. Селіванова О. О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке : [монографія] / Олена Олександрівна Селіванова. – Черкаси : Вид-во Ю. Чабаненко, 2012. – 488 с.
16. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) : [монографія] / Олена Олександрівна Селіванова. – Київ–Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
17. Сприса О. Б. Етномовні домінанти кодування смислу в дзеркалі кросвордів (україно-арабомовні паралелі) / О. Б. Сприса // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. Франкознавство. – Львів : ЛНУ імені І. Франка, 2011. – Вып. 54. – С. 78–86.
18. Хомский Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1962. – Вып. 2. – С. 412–527.

Дата надходження до редакції 29.05.2014